

Виктор Анатольевич Зайцев
Индийский дневник

N10-E078

The lower portion of the image shows a detailed view of marbled paper. The pattern consists of irregular, organic shapes in various shades of green, from light lime to dark forest green, set against a brownish-tan background. The overall effect is a dense, textured, and somewhat chaotic pattern typical of traditional marbling techniques.

Виктор Зайцев

Индийский дневник

«Издательские решения»

Зайцев В. А.

Индийский дневник / В. А. Зайцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851516-3

Увидеть настоящую Индию может только тот, кто не едет туда в качестве туриста. Но такие люди обычно ничего не рассказывают: нет времени писать сразу, пока впечатления свежие, а после возвращения воспоминания сливаются, подобно мазкам на картине импрессиониста и уже неразделимы. Автору повезло: судьба подарила ему командировку, в которой приходилось не только работать и ездить, но и ждать. Сделанные в моменты ожидания записи впечатлений одно-двух дневной давности сами собой сложились в книгу.

ISBN 978-5-44-851516-3

© Зайцев В. А.
© Издательские решения

Содержание

«Начало	6
16.11	7
17.11	8
Индийский Дневник	9
Тамил-Наду, или путешествие к десятому градусу	10
18.11	10
19.11	12
20.11	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Индийский дневник

Виктор Анатольевич Зайцев

© Виктор Анатольевич Зайцев, 2017

ISBN 978-5-4485-1516-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Начало»

Записи были сделаны осенью 2007 года во время нашей второй поездки в Индию. Заканчивался срок трехгодичного проекта. Мы: я (тогда молодой кандидат) и доктор геол.-мин. наук Н. В. Владыкин, были вынуждены ехать для того, чтобы отправить в Москву образцы горных пород, собранные нами тремя с лишним годами ранее. Почему, потратив нашу поездку уйму денег и времени коллеги не отправили нам эти образцы, а продержали их у себя до того времени, когда выполнить проект стало заведомо невозможно, – для меня осталось загадкой. Никто ничего не делал, деньги на проект у них оставались, и они готовы были нас принять. Разумеется, мы хотели посмотреть те щелочные массивы, которые мы не смотрели в прошлый раз. Признать, что мы едем только для того, чтобы отправить в Россию посылки с образцами когда все сроки выполнения проекта упущены, коллеги, разумеется, не могли, поэтому мы получили возможность пополнить коллекции наших институтов. Кто, когда и зачем будет изучать этот материал мы уже не знали.

«Развлечения» с поездкой в начале ещё до получения визы. Даже до подачи документов на неё. Наши индусы никак не могли сделать нормальную (непротиворечивую) программу, утрясти сроки, прислать все приглашения. Из-за этого документы на визу пришлось подавать в последний момент. Проблема с визами осложняется тем, что консульство принимает документы утром (до половины первого), а выдаёт визы – начиная с пяти вечера, иногда часов до девяти. Делают их тогда же, поэтому, придя к пяти, ты не знаешь, когда будет выдан заветный паспорт.

Теоретически наша виза должна была быть бесплатной, т.к. мы едем по обмену DST-РАН¹, но когда я пришел, нужного чиновника (представителя DST) не было на месте, а задерживать сдачу документов ещё на сутки было нельзя: мне итак в консульском отделе поставили дату выдачи 16-е при вылете 15-го.

Получив талончик с этой датой, я сразу пришел к этому чиновнику – его зовут Шукла, пообщался с ним.² Он кому-то позвонил, снял копии с моего паспорта и талончика, сказал, что мне 14-го вечером выдадут визы.

14-го в консульском отделе сказали, что им никто не звонил, и что они ничего не знают. По счастью, там оказался вменяемый индус, говоривший по-русски. В общем, визы нам выдали.

Рейс ночной. Недосып и стресс за последние дни накопился жуткий. Главное желание – забыться сном. Сидения в самолёте для этого не предназначены, лежать на них неудобно, т.к. в лучшем случае они рассчитаны на три задницы. Но если положить под попу несколько журналов, а под голову напихать вещей, получается вполне сносно. Можно даже пристегнуться ремнем центрального кресла, так что у стюардесс вопросов не возникает.

¹ Эта поездка стала возможна благодаря соглашению между РАН – Российской Академией Наук и её индийским аналогом – DST – Department of Science and Technology. По этому соглашению DST оплачивало все наше пребывание в Индии, сбор материала и его отправку, а также работу наших коллег. РАН должно было оплатить только нашу дорогу до Индии и те анализы образцов, которые планировалось делать у нас.

² Явное для читателя несоответствие, пожалуй, хорошая иллюстрация того, что реальность людей Индии похожа на нашу примерно также, как похожа физика элементарных частиц на классическую механику.

16.11

Первое впечатление при выходе из самолёта – непонятный запах, переливающийся неаппетитными оттенками. Он будет сопровождать вас здесь почти повсюду, и с этим придется смириться – так пахнет Индия.

В аэропорту Дели нас встретил чиновник DST и отвез в гестхаус. Место по индийским меркам приличное. Серое бельё и полотенца здесь никого не смущают. В два часа дня он забрал нас и отвез в аэропорт, откуда мы должны были вылететь в Мадрас.

Мы должны были вылететь в 16.45. Когда мы регистрировались на рейс, нам сказали, что он отложен до 18.15. Потом его перенесли не 18.30, и ещё раз – на 19.30. На посадку нас пригласили без пяти восемь.

Небо над аэродромом было темно-серым, мутным, без облаков, но и без звезд. Только луна просвечивала сквозь пыль. Луна здесь интересная: месяц лежит на боку горизонтально, словно изогнутая лодка на воде. Уже потом, я узнал, что именно это небо и есть причина задержек рейсов, особенно на внутренних рейсах. Зимой пыль сокращает видимость, и самолёты подолгу не могут ни сесть, ни взлететь. Опоздания накаливаются и к концу дня часто составляют пять-шесть часов.

На выходе из аэропорта нас встретил Солей, студент Рама. Потом подъехала машина и они с водителем отвезли нас в гестхаус. Пока грузили вещи, ещё один, неизвестно откуда взявшийся, индус помогал их упихивать в багажник. Потом он потребовал денег за свою работу. Вещей у нас – чемодан, рюкзак и маленький рюкзачёк с ноутбуком.

В гестхаусе нас встретили ещё три человека от Рама. Долго кудахтали, говорили, чтобы если что понадобится, чтобы мы им звонили. Когда я попросил кусочек спирали от комаров, они забрали у сторожей спираль целиком и, сколько я не отказывался, отдали её мне.

17.11

На завтрак нам подали омлет с луком и острым зеленым перцем, чуть поджаренные тосты с соленым маслом и джем – стандартный в таких местах завтрак. Пить принесли то, что они назвали чаем, – серо-коричневую непрозрачную жидкость в маленькой, словно для кофе, кружке. Пить это невозможно, поэтому мы решили, что попьём чаю у себя.

Я спустился за питьевой водой, которую они предложили согреть. Слов нет, одни выражения. Питьевую воду они берут из-под крана и не кипятят, а греют, так, чтобы пальцы не обжигало. Хорошо, что кипятильник и чай у нас свои.

После завтрака мы сходили на море. Через дорогу от нас пляж (Marina Beach), так что во время цунами³, которое было здесь три года назад, вода дошла до ворот гестхауса. Я тогда думал, что его смыло. У нас тогда так это освящали, будто смыло пол-Мадраса. Ничего подобного. Пляж остался на месте, все строения остались. Только «табор» на пляже в сторону переехал.

У кромки прибоя, в песке, полно нор, где живут крабы. Они вылезают и бегают по песку боком, но стоит проявить к ним интерес – мгновенно оказываются у своей норки. Ещё секунда и краб исчезает внутри. Диаметр норы такой же, как тело краба. Как они ухитряются по ней ещё и ноги протащить – непонятно.

Ещё у края прибоя, почему-то вряд, располагаются кучи дерьма: человеческого, собачьего, какого-то скота. Его вид сразу отбил у нас желание купаться.

Приняв душ, я понял, что кран, из которого берут воду для чая – необычный: вода в нём пресная, тогда как в душе она опреснённая, солоноватая.

Потом мы вышли в город купить самого необходимого для поездки: местную Sim-карту, туалетную бумагу и простыни.

Мадрас – типичный индийский город, где по грязным улицам бродят люди, собаки и коровы. На эти улицы выходят лавки, где можно купить все, что угодно. Лавки расположены по группам товаров: в одном месте улицы продают книги, в другом – одежду, в третье – еду и т. д.

Книги разнообразные. Много старых, так что для англоязычного букиниста там есть пожива.

Купить симку я не смог: помимо паспорта здесь требуют ещё и фото, которое наклеивают на договор.

Забавно оказалось с туалетной бумагой. Она продается в писчебумажных лавках, и стоит по местным меркам дорого – 25—60 рупий в зависимости от размера рулона.

Вернувшись, мы нашли у себя Рама, который только что прилетел из Дели: его рейс тоже задержали на пять часов. Он дал мне симку, мы обсудили планы и уговорились стартовать назавтра в десять.

³ 26 декабря 2004

Индийский Дневник

Тамил-Наду, или путешествие к десятому градусу

18.11

Наш амбассодор

Из гестхауса мы уехали в начале одиннадцатого в университет. Там мы оставили часть вещей, вылезли в Интернет и около двенадцати – стартовали вглубь страны.

Наша машина – Ambassador, приехавшая из Англии в начале шестидесятых, белый седан округлых, как тогда было модно форм, стекла которого оклеены голубовато-серой пленкой. Таких машин в Индии много, это первая модель, которую здесь стали выпускать. Внутри – два дивана, передний и задний, каждый с двумя подголовниками, но три человек садятся на них легко.

Из Мадраса по трассе мы доехали до Елагири. Местность, где проложена трасса, очень ровная, в таких местах идея, что земля плоская кажется единственно правильной. Вдоль дороги – череда полей, пальм, маленьких городков. Кое-где на горизонте синеют холмы, видимо, останцы индусов. Там где они подходят к дороге видно, что они покрыты лесом, деревья в котором – с плоскими вершинами.

В Елагири мы свернули на местную, двухполосную дорогу, движение по которой, кажется, не менее оживлённое, чем по трассе: автобусы, грузовики, машины, тук-туки, мотоциклы, велосипеды. Вдоль дороги – корявые деревья тамариска, покрашенные в чёрно-белую шашечку. На мой вопрос Рам ответил, что это нужно, чтобы они отражали свет. Отражают маленькие красные катафоты, которые наклеены на стволы.

Поздно вечером мы приехали в Дермабури (Dharmapuri) – небольшой город, где нам предстояло ночевать. Хорошая (с кондиционером) гостиница в городе одна и дорогая – Рам сказал, что она ему не по карману, но нас он может туда поселить. Мы решили, что лучше переберемся без кондея, но будем все вместе.

Вторая гостиница была в местном стиле – маленькие комнаты с двумя кроватями, едва помещающимися в них, телевизором и зарешеченными окнами в коридор. Наверху, почти под потолком – дырка для воздуха и комаров.

Туалеты в номерах в «западном» или «индийском» стиле. Первые представляют собой привычную для нас конструкцию. Вторые – тоже привычны – они представляют собой индивидуализированную кабинку от общественного туалета с эмалированным углублением в полу и двумя подставками для ног. «Такой же, каким я пользовался в Кандалакше», – охарактеризовал его Рам.

На верхнем этаже отыскалось несколько комнат классом повыше – просторные, с большими кроватями и мебелью, покрытой пластиком под дерево. В них мы и разместились.

Проблема комаров существует в Индии вне зависимости от класса комнаты. Владыкин промаялся всю ночь, а я натянул взятый из дома полог и спал спокойно.

19.11

Наутро оказалось, что кормят здесь исключительно индийской едой, что совершенно не устраивало наших индусов. За омлетом нам пришлось ехать в другой отель (все места, где кормят, здесь называют либо отель, либо ресторан). Там, правда, не было хлеба, но Рам послал за ним студента в лавку.

Bred'n omlet выглядел здесь как две лепёшки омлета, между которыми, проложенный кольцами лука, лежал кусок белого хлеба. Конечно, белого. Другого здесь нет. Есть, собственно, индийский хлеб – разнообразные лепёшки.

Тамарисковые деревья вдоль дороги.

После завтрака мы выписались из гостиницы и поехали в Хогенкал.

Дорога в Хогенкал асфальтовая, узкая и почти пустая. По обеим сторонам дороги в ряд стоят тамарисковые деревья, украшенные белыми и чёрными полосами вокруг ствола. Эти деревья – собственность дорожного департамента. Они обозначают границу между дорогой, где земля принадлежит государству и частными владениями, где могут быть построены дома. До Западных Гат по плато Дермабури непрерывно тянутся крестьянские хозяйства: пальмы, рис, пасущиеся стада коз. Периодически на дороге встречаются кучи разложенного на дороге сена. – Это крестьяне молотят раги колёсами проезжающих машин. Через некоторое время они собирают стебли, сметают с асфальта семена с шелухой и тут же, у дороги провеивают их, высыпая с высоты своего роста на землю из больших круглых корзин. Рам сказал, что раги – что-то вроде горчицы, но не горчица, из него делают похлёбку.

При въезде в Гаты картина резко меняется: покрытые лесом холмы выступают серией волн, последние из которых теряются в сизой дымке. Сама же дорога серпантинном петляет и жмётся к поросшим кустарникам выходам гнейсов, смятых в мелкие (до первых метров) изоклинальные складки. Иногда дорогу перебегают обезьяны. Так она быстро спускается к Хогенкали.

Хогенкали оказалась зоной отдыха. Для работы здесь Раму пришлось брать разрешение в лесном департаменте. Помимо этого, за въезд пришлось заплатить.

Внутри этой зоны оказалась деревня. Нормальная деревня, с полями, козами, курами и утками. В деревне – церковь рядом с христианским кладбищем и индуистский храм. Вообще, в Индии религии постоянно соседствуют и это, вроде, никого не напрягает.

Рам взял проводником какого-то местного парня, которого он научил, что такое карбонатит.

Проявление карбонатитов оказалось большой дайкой карбонат-пироксеновых пород с обильным апатитом, согласно залегающей в моноклинали, либо зоне расщеливания гнейсов. Дайка содержит обильные ксенолиты гнейсов, переработанных в сиениты и кварцевые сиениты, ксенолиты карбонат-пироксеновых пород без апатита, кое-где – пегматоиды полевошпат-ортопироксенового состава, полевошпат-биотит-кварцевые пегматоиды, иногда – секущие карбонат-apatитовые прожилки с теньями полосчатости.

Вид на деревню Хогенкали от карбонатитового проявления.

Помимо этой дайки в гнейсах залегают силлы долеритов – тела, невыдержанные по простиранию, иногда – превращенные в серию согласных тел, иногда – резко выклинивающиеся на расстоянии порядка 15 см.

Здесь же я впервые увидел псевдотахилиты – породы, переплавившиеся в тектонической зоне и окружающие остроугольные обломки материнских пород по сети трещин.

В зоне отдыха есть отель, кучи лавок и толпы народу. На подходе к водопаду – куча лавок с умывальными принадлежностями, игрушками, фруктами и жареной рыбой.

В ресторане при гостинице Владыкину сделали курицу без специй, мне – рис с курицей и почему-то тоже без специй, хотя неострую еду мы просили только для него. Чтобы получить еду без специй надо об этом говорить заранее и убедиться, что вас правильно поняли. Могут принести такую же острую, но могут и принести и сделанную вообще без соли. Это не проблема разного английского языка – просто эти люди не могут понять, как можно есть неострую еду.

Развитие зоны отдыха связано с наличием здесь системы водопадов, где местные купаются, стирают бельё, ловят рыбу.

Кое-где видно, что эти водопады частично образованы рукотворными зубчатыми стенами, скрытыми под водой. Основных купален две: мужская и женская. Не знаю, как жен-

ская, а мужская представляла собой душ падающей воды, под которым в набедренных повязках плескались индусы и Владыкин в плавках.

Индусы плещутся и в заводях перед водопадом, на островках которых растет водяной перец.

Дорога в Салем идет сначала обратным путем – на плато, там – сворачивает в сторону с пути, которым мы приехали, и спускается в широкую густонаселенную долину. На спуске и в долине тамарисковых деревьев стало меньше. Исчезло и раги.

С борта долины открывается величественный вид на возделанные участки, на город вдалеке и на далёкие горы, над которыми висят дождевые тучи. Дождь нас и вправду слегка прихватил в долине, – водитель даже дворники на несколько минут включал.

В Салем мы приехали затемно. Поселились в гостинице Vedha loge. Номера в ней оказались меньше, чем те, в которых мы ночевали в прошлую ночь, но больше, чем те, в которые нас пытались поселить вначале.

Я сходил за едой. Основная задача была купить хлеба, но мне не удалось его здесь найти. Я купил сладкого печенья и белых сухарей.

Переходить улицы оказалось неожиданно сложно. Движение в Индии левостороннее, так что смотреть нужно не как у нас, сначала направо, потом налево, а наоборот. Глубоко въевшийся в голову рефлекс мешает это делать. Пропускать пешеходов в Индии, как и у нас, не принято, зато каждый считает своим долгом погудеть. Гудят они по любому поводу: пытаешься ли ты перейти дорогу, идешь ли по обочине, так что даже если ты далеко от потока от неожиданности хочется вжаться в обочину ещё глубже. Гудят они, догоняя едущего впереди, и приближаясь к повороту. Над пробкой гул стоит вообще непрерывный.

В тот вечер Рам взял нас с собой есть индийскую еду – баротта (parotta) и доса (dosa).

Баротта – лепёшка из слоеного теста, по виду напоминающего тесто для наполеона или пирожных. Вкусно, особенно когда горячая. Доса – в данном случае представляла собой белую пористую лепёшку из смеси рисовой муки и какими-то бобовыми. Этому тесту дают забродить и пекут. Получается кисло и невкусно. В других местах я видел доса другого вида – широкие большие лепёшки. Видимо, в разных местах в это слово вкладывают разный смысл.

В простых местах едят на ровных кусках банановых листьев, предварительно брызгая на них водой и протирая руками. Я на всякий случай протираю спиртовой салфеткой. Она становится серой.

20.11

Из Салема мы поехали смотреть два карбонатитовых проявления – Пакканаду и Муллакаду, находящиеся внутри единой зоны то ли полосчатых сиенитов, то ли фенитизированных гнейсов, образующей кольцо гор. Внутри этого кольца, в депрессии находятся культивируемые земли двух больших деревень.

Зебу

Всё выращивается на земляных террасах, укрепленных рядами камней. В центральной, нижней части землю поливают из глубоких и широких колодцев. Выше по склону сажают то, что не требует полива, и пасут зебу, коз и овец. Зебу – крупные животные, похожие на наших коров и быков. В отличие от обычных быков, у них на спине, прямо за шеей есть большой жировой горб. В отличие от коров, зебу не причислены к священным животным. Они повсеместно используются в качестве тягловых: их запрягают в плуги и телеги. Тащат телегу они обычно по два, реже – в одиночку. Делают они это неспешно, с чувством собственного достоинства, демонстрируя публике крашенные рога. Упряжь для зебу примитивная, Т-образная. Перекладину кладут зебу перед горбами и привязывают к шее веревкой.

Местные овцы похожи на коз: у них прямая короткая шерсть, совершенно не соответствующая привычному для нас облику. Уж не знаю, что можно из неё спрядать.

Дома в деревнях разные. Частью – прямоугольные, из местного коричневого кирпича, крытые пальмовыми листьями, часть – плетеные из пальмовых листьев. Некоторые, поменьше, стоят на помостах. Есть и круглые хижины, сложенные из кирпича или плетеные. Дверей в хижинах нет. Вместо них – плетеные щиты.

До Ероде мы добрались поздно ночью, долго колесили по улицам, разыскивая отель Shamuga Loge. «Отель бизнес класса» значилось на вывеске, стоящей в коридоре. Отель находится в глубине, граничит с каким-то большим частным владением, жизнь в котором можно наблюдать с балкона.

Типичный отель такого класса представляет собой четырех-пятиэтажное здание, с одной лестницей, иногда – лифтом, закрываемым раздвижной решёткой. Коридоры на этажах заканчиваются балконами, везде есть отверстия для обмена воздуха с уличным. Номера в этих отелях как правило, двухместные, хотя, в одном случае нам достались два одно местных номера. В отеле бывает пьюрификатор – ящик с кнопкой и краном, откуда льется вода, про-

шедшая систему очистки. Индусы пьют эту воду так, с моей точки зрения, её можно пить после кипячения, в отличие от воды из-под крана, которая которую пить нельзя (соленоватая).

Из Эроре наш путь лежал в Тени. По дороге мы заехали в Сиванмалай, на два проявления сиенитов. Одно из них – на горе – метаморфогенные жилы нефелиновых сиенитов, отделённые от вмещающих гнейсов полевошпатовой оторочкой.

Второе – темно-зеленые фаялитсодержащие сиениты, слагающие небольшой холм под горой. Эти сиениты добывают и используют в качестве облицовочного камня.

Сиванмалай.

По дороге у нашей машины что-то начало стучать в задней подвеске, и мы заехали в автосервис.

Под небольшим навесом стояло шесть амбассадоров, включая наш, восемь разных судзуки-марутти (индийское подразделение), пара некси – здесь их называют сіело и один опель астра. Кажется здесь делают все: от мелкого ремонта и регулировки мотора до полной разборки машины, включая снятие краски с кузова. Сход-развал здесь регулировали при помощи верёвки, протянутой П-образно, рядом с колёсами с наружной стороны. Мастер с гордостью сказал, что в отличие от компьютерной регулировки этот старый метод никогда не дает сбоев.

На наших машинах такой регулировке будут мешать передние брызговики. У амбассадора каждый из передних брызговиков представляет собой дюжину небольших цепочек, соединённых двумя кусками проволоки: внизу и на середине высоты, в занавесь. Задние же – привычный нам кусок резины.

По пути на юг вдоль дороги нам стали попадаться целые леса банановых и кокосовых пальм с горами кокосовых орехов под ними, громадные рисовые поля, виноградники.

Мы остановились на обед в каком-то маленьком городе. Я не думал, что мне придется какое-то время идти и оставил шляпу в машине. Свою ошибку я понял быстро – отвесно падающие лучи солнца при температуре больше сорока, вызывают неприятные ощущения, усиливающиеся смрадом, который при такой жаре исходит из сточных канав по сторонам улиц и стаями мух. В ресторане я ограничился бутылкой пепси и белым хлебом, от которого мы отгоняли мух, непрерывно махая руками.

В одном месте обоим по краям дороги на протяжении нескольких километров на равных промежутках стояли пары длинных – в полтора-два человеческих роста палок. Скоро между ними стали попадаться красно-чёрные полотнища с какими-то надписями на хинди. Я спросил у Рама, что это такое, и он ответил, что в этот город приезжает глава политической партии и народ приветствует его.

Ближе к закату мы приехали в Тени – районный центр, спускающийся с холма на равнину. Тени просторнее других городов, поэтому, кажется приятнее и чище. Лавки здесь не жмутся одна к другой, хотя их и много по нашим меркам, особенно на центральной улице, где расположен наш отель.

При въезде в Тени бросается в глаза, что помимо обычного транспорта – машин, тук-туков, мотоциклов и велосипедов здесь стоят повозки, запряженные лошадьми. Эти повозки, крытые наподобие шарабана, не имеют сидений. Сидят в них прямо на полу, обитом кожей. Под повозкой, почти до земли свисает привязанный за четыре угла кусок материи, на котором лежит запас сена. Лошади миниатюрные, – я сначала принял их за мулов.

Офис лесного департамента, где нам надо было получить разрешение, находится в верхней части города в элитном районе. Дома здесь новые, двух и трехэтажные, не похожие один на другой. По большей части они отделены от улицы забором, до половины человеческого роста сплошным, и ещё пол человеческого роста – прутья. Между забором и домом находится не двор, а скорее проход с бетонным полом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.